

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-34-39

КОНДУСОВ Владимир Сергеевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vladimir.kondusov@mail.ru

Vladimir S. KONDUSOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vladimir.kondusov@mail.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1830-х гг.

MILITARY AND POLITICAL SITUATION IN THE CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF 1830 years

Статья посвящена военно-политической ситуации на Кавказе во второй половине 1830-х гг. Автор приходит к выводу о том, что обстановка требовала проведения в Закавказье административной реформы, направленной на вхождение местного христианского и мусульманского населения в правовое поле империи. Русской администрации в Закавказье в 1830-е гг. пришлось иметь дело с сепаратистскими движениями в Грузии и в Азербайджанских ханствах. На Северо-Восточном Кавказе основной проблемой выступало движение мюридизма, вылившееся в создание военно-теократического государства Шамиля. Для ее решения командованием Отдельного Кавказского корпуса предпринимался ряд мер силового и политического характера. Время командования Г.В. Розеном Отдельным Кавказским корпусом совпало с успехами мюридистского движения на Северо-Восточном Кавказе и началом эпохи Шамиля. Мюридизм – строгий религиозный устав, основанный на подчинении имаму, – был удобным инструментом организации постоянной политической власти, а шариат предоставлял более совершенные, нежели обычное право, нормы, способные охранять собственность. Однако Г.В. Розен так и не смог ни понять главного смысла движения горцев, ни предложить действенного решения в урегулировании конфликта. Подобная же ситуация была характерна для Северо-Западного Кавказа. Несмотря на отдельные малоэффективные попытки создания переговорного пространства, в целом возобладали линия на наступление против черкесов со стороны Черного моря и Кубанской кордонной линии.

The article is devoted to the military and political situation in the Caucasus during the second half of the 1830s. The author finds that the situation required a realization in the Transcaucasia of an administrative reform aimed at the entering of local Christian and Muslim population the legal field of the Empire. The Russian administration in the Transcaucasia in 1830s had to deal with separatist movements in Georgia and in Azerbaijani khanates. In the North-East Caucasus a major problem was the muridism that resulted in the creation of military and theocratic State of Shamil. For its solution the Command of Independent Caucasian Corps was taking military and political actions. The time when G.V. Rosen was a Commander of Independent Caucasian Corps coincided with the successes of the muridism movement in the North-Eastern Caucasus and with the beginning of the epoch-Shamil. Muridism is a strict religious charter based on obedience to the Imam was a convenient tool for organization of continued political power and the Shariah provided norms capable to protect property better than the customary law. However G.V. Rosen was unable to understand the main sense of the movement of Caucasian Highlanders nor to offer an effective solution for the conflict. A similar situation was characteristic of the North-West Caucasus. Despite a few weak attempts to create a negotiation space the offensive from the Black Sea and the Kuban cordons against Circassians was a generally prevailed line.

Ключевые слова: Кавказская война, кавказская администрация, интеграция, национальный и конфессиональный вопросы, Северо-Западный Кавказ, Чечня, Дагестан, Закавказье, барон Г.В. Розен, мюридизм, имамат.

Keywords: Caucasian War, Caucasian administration, integration, ethnic and religious issues, the North-West Caucasus, Chechnya, Dagestan, Transcaucasia, G. Baron Rosen, Muridism, Imamate

Исследование военно-административной и политической деятельности Е.А. Головина на Кавказе (1838–1842) поставило перед нами вопрос о преемственности его политики в российско-кавказских интегративных процессах. В статье предпринята попытка анализа военно-политической ситуации в регионе и тех задач, которые стояли перед кавказским командованием во второй половине 1830-х гг.

Предшественником Е.А. Головина на должности главноуправляющего в Грузии и командующего Отдельным Кавказским корпусом был барон Г.В. Розен. На Северном Кавказе и в Закавказье ему пришлось решать ряд важных задач, связанных с интеграцией региона с имперской метрополией.

К середине 1830-х гг. на Кавказе сложилась следующая управленческая схема. Резиденция Главноуправляющего Грузией (он же командир Отдельного Кавказского корпуса) находилась в Тифлисе. Ему подчинялся командующий войсками Кавказской линии и в Черномории, штаб которого располагался в Ставрополе. Согласно повелению императора от 2 октября 1832 г. Кавказская линия была разделена на четыре части: «Правый фланг, Центр, Левый фланг и особенно четвертый участок, образуемый Черномориею, сходно с разделением, бывшим во время командования Отдельным Кавказским Корпусом гр.Паскевича. Каждый из упоминаемых отделов, находясь в ведении особого генерала, на сих последних лежать уже будет прямая обязанность ближайшей защиты и охранения вверенных им частей.» [1]. Однако на практике эта внешне стройная схема работала не всегда. Необходимость оперативного реагирования на изменения в обстановке приводила нередко к тому, что командиры временных войсковых групп – отрядов – оказывались вне власти своих «уставных» начальников [2].

На схемы движения приказов и рапортов также влияло географическое расположение. Тифлис, главный военно-административный центр, был отрезан от Кавказской линии главным Кавказским хребтом. Поэтому распоряжения из Петербурга достигали сначала резиденции командира Отдельного Кавказского корпуса, а затем в соответствующей форме возвращались на сотни верст назад [2, с. 157]. К примеру, приказ начальнику Геленджикского укрепления следовал из Тифлиса в Ставрополь, оттуда – в Анапу или Керчь и только затем на парусном корабле – в Геленджикский форт. По словам генерала Г.И. Филипсона, после взятия аула Гимры в 1832 г. «Розен утонул в пучине тифлисской бумажной администрации, представляя себе только общее направление военных действий на Кавказе. Я не думаю, чтобы он добровольно покорился этой роли, хотя допускаю возможность, что он хотел ее честно исполнить. Но – один в поле не воин. Его многочисленный штаб с завистью и недоброжелательством смотрел на тех, которые на северной стороне Кавказа постоянно участвуют в военных действиях и получают больше наград. Нужно сказать, что император Николай (особливо после командования Паскевичем на Кавказе) был столь же щедр на награды за военные отличия, сколько скуп за гражданскую и военную службу» [3].

До 1837 г. Командир Отдельного Кавказского корпуса действовал во многом самостоятельно. Управление регионом, по словам генерала от кавалерии А.М. Дондукова-Корсакова, «было вполне предоставлено на месте самостоятельности начальствующих лиц, которыми вообще, в виду более серьезных войн и забот правительства, мало интересовались. Кавказ был для Петербурга докучливым бременем, для военных – местом ссылки, естественно сложилась особая жизнь, особый быт этих оторванных от общей русской семьи тружеников на славу русского оружия и пользу отечества. Лишь некоторые отдельные события, как, например, взятие в 1831 году бароном Розеном аула Гимры и смерть первого дагестанского имама Кази-Муллы <...>, временно обратили внимание на Кавказ» [4].

Ситуация существенным образом меняется после посещения Кавказа императором Николаем I в 1837 г. «Тогда, – вспоминал А.М. Дондуков-Корсаков, – явилась целая система проектов военных действий для завоевания и покорения Кавказа; все это разрабатывалось в канцеляриях Военного министерства, представляя обширное поле соображениям офицеров Генерального штаба, налетом бывших на Кавказе. Наконец, составленный план военных действий на каждый год, соображаясь со сведениями от местного начальства, утверждался в кабинете Государя и предписывался к исполнению на месте. Покойный Государь, при всей своей прозорливости и высоких дарованиях, имел тоже слабость думать, что, раз окинув своим орлиным взором страну или какое-либо дело, он проникал во все подробности оно и лучшим был судьей при решении обсуждаемых вопросов» [4, с. 412-413].

Кроме того, «на Кавказ и Главную квартиру и в отряды, во время экспедиции, посылались облаченные доверием министерства лица, которые сколько же стесняли как корпусного командира, так и начальников отрядов, сколько содействовали ложным взглядам Военного министерства на положение дел на Кавказе. Масса молодых офицеров из гвардии, ежегодно участвующих в экспедициях, с самонадеянностью молодости судили, по возвращении в Петербург, о положении края и действиях начальников, и на основании подобных непрочных данных составлялись опять планы будущих действий» [4, с. 413].

В Закавказье, по словам генерала Г.И. Филипсона, «была задача более мирная, но не менее трудная: сплотить разные народности Закавказского края, слить их в одну массу под управлением, которое бы не противоречило ни общему строю империи, ни вековым обычаям и преданиям каждого племени. Сверх того, нужно было охранять границу от <...> коварных и изменчивых соседей, персиян и турок» [5]. В это время становится очевидным несоответствие разнообразия систем управления на Кавказе с новыми экономическими и политическими установками. Однако Г.В. Розен советовал не спешить с введением единообразной, строго централизованной системы управления, особенно в мусульманских провинциях, считая, что последние еще не готовы к радикальной ломке традиционных форм потестарной культуры, Главноуправляющий добивался сохранения системы военно-народного управления. Как человек дальновидный, он не отрицал необходимости преобразований, но считал, что этот процесс должен быть постепенным, а резкая замена военного управления гражданским в российских условиях бюрократических волопит возбудила бы недоверие российским властям [6].

Русской администрации в Закавказье в 1830-е гг. пришлось иметь дело с сепаратистскими движениями в Грузии и в Азербайджанских ханствах. Еще в 1832 г. был раскрыт заговор части грузинской интеллигенции (А. Орбелиани, Э. Эристави, С. Додашвили, Я. Паландишвили, с которыми в определенной мере солидаризировался А.Г. Чавчавадзе) [7]. В 1837 г. в Шекинскую провинцию пробрался из Ирана некий Мешади Мамед, посланный сыном Селим-хана – Гаджиханом и выдававший себя за наследника шекинских ханов. Он попытался с небольшим отрядом поднять восстание в провинции, но вскоре был арестован. Волнения имели место также в Та-

лыше, Кубе, Джаро-Белокане, причем это было совместное выступление крестьян, горожан, духовенства с местными феодалами [8].

Время командования Г.В. Розеном Отдельным Кавказским корпусом совпало с успехами мюридистского движения на Северо-Восточном Кавказе и началом эпохи Шамиля. Мюридизм – строгий религиозный устав, основанный на подчинении имаму, – был удобным инструментом организации постоянной политической власти, а шариат предоставлял более совершенные, нежели обычное право, нормы, способные охранять собственность. Во второй половине 1830-х гг. имам Шамиль стремится политически объединить «вольные» общества Дагестана, подавить внутреннюю анархию и направить традиционный набеговой промысел горцев за границы подчиненной имаму территории [9]. Установив контроль над значительной частью Дагестана и Чечни, Шамиль, по мнению израильского исследователя Моше Гаммера, «приступил к организации своего царства» [10]. Признававшие его власть районы были разделены на наибства (округа) во главе с наибями (наместниками), назначаемыми имамом. Наибы наделялись военной, административной, судебной и духовной властью. Центральную администрацию составлял «Совет ученых», который действовал под председательством имама Шамиля и олицетворял высшую инстанцию имамата. Постепенная замена ханско-бекского и внутриобщинного управления имамско-наибским знаменовала собой оформление контуров раннефеодального военно-теократического государства горцев [11].

Растущее влияние мюридизма вызвало тревогу у кавказского командования. Весной 1837 г. Шамиль под предлогом мести за смерть второго имама Гамзат-бека стал готовиться к завоеванию Аварского ханства. Аварский Ахмет-хан обратился с согласия народного собрания к русской администрации за защитой. На помощь аварцам были присланы войска под командованием генерала К.К. Фези [12].

Одновременно кавказское командование предпринимало и политические меры. Так, барон Г.В. Розен пригласил из Казанской губернии знаменитого мусульманского проповедника Таджеддин-эфенди [13]. Его привлекли для убеждения горцев в неправильном толковании мюридами шариата и привлечения их на сторону русского правительства. Пока проповедник находился в областях, ориентированных на Россию, ханствах Казикумухском, Аварском, Кюринском, Мехтулинском, в приставстве Кумыкском, его увещевания принимали с благоговением [14]. Но жители «вольных» обществ Дагестана и чеченцы проповедника к себе не пустили [15].

Предпринимались и другие способы установления взаимопонимания. Кавказским командованием были предприняты усилия по организации встречи императора Николая I с имамом Шамилем. 18 сентября 1837 г. состоялись переговоры с имамом, которые с русской стороны вел генерал Ф.К. Ключки фон Кругенау. Однако на переговорах и в последующей переписке с Ключки фон Кругенау Шамиль отказался от встречи с императором в Тифлисе, сославшись на неудовольствие своих «соратников» [16].

От имени Шамиля в Чечне в 1835–1836 гг. действовал Ташов-Хаджи, называвший себя «полномочным визирем» имама. После весьма вялого сопротивления к Ташову-Хаджи присоединились аулы Атаги, Чакхери, Устар-Гардой, Эрсеной [17]. Проповедь мюридизма Ташов-Хаджи вел одновременно с набегами на станицы терских казаков. Кроме того, объектами грабительских рейдов были кумыкские, ингушские и кабардинские селения. В ответ были предприняты экспедиции в Чечню под командованием начальника Сунженской линии полковника А.П. Пулло. Г.В. Розен сообщал военному министру 10 декабря 1836 г.: «Полк. Пулло довел до сведения моего, что непокорные нам Чеченцы, устрешенные неоднократным истреблением их жилищ, имуществом и пленом многих их единоплеменников, склонились уже на изъявление покорности нашему правительству; но возмутители Чеченские употребили все усилия для возжения в народе религиозного фанатизма и ненависти против нас» [18].

В Западной Чечне против горцев открыл военные действия генерал-майор К.К. Фези. 15 марта 1837 г. он доносил командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову о приведении в покорность ичкерийских аулов и отправил командованию «присяжные листы покорившихся жителей 9 деревень ичкерийских, с коих взято 12 аманатов» [19]. Однако, несмотря на эти действия, Чечня продолжала оставаться проблемной территорией для русской администрации на Кавказе.

Ожесточенное противостояние разворачивалось во второй половине 1830-х гг. на Северо-Западном Кавказе. Здесь русские власти поначалу придерживались хорошо зарекомендовавшей себя в Закавказье ставке на княжеско-уоркскую знать. Однако этой политикой русские власти восстановили против себя влиятельных тфокотлей (общинников). Поэтому последняя стала более восприимчивой к политике Турции и пропаганде британских эмиссаров на Северо-Западном Кавказе, а затем и к проповедникам мюридизма [20]. Усилились набеги горцев на Черноморию и Правый фланг. В этих условиях было решено начать наступление в Закубанье со стороны Черного моря и Кубани. В записке военного министра графа А.И. Чернышева о ме-

рах по усмирению кавказских горцев, составленной в 1837 г., были предложены следующие меры.

Во-первых, разобщение горцев «посредством последовательности действий против них». В связи с этими соображениями генералом А.А. Вельяминовым была проложена «новая укрепленная линия от Ольгинского редута к Геленджикской бухте. Сею линией земли племени Натухайского отрезаны от земель, занимаемых Шапсугами, и заключены между нею и р. Кубанью до впадения ее в Черное море» [21].

Во-вторых, требовалось пресечь «горцам возможности к внешним торговым и политическим сношениям» [21].

Решительное пресечение «сих сношений Черкесского берега с Анатолийским», отмечал военный министр, «сделалось еще необходимейшим по замеченным покушениям иностранных эмиссаров, тем-же путем к горцам прибывающим, возмущать сии племена, и восстанавливать их против России» [21].

Для установления контроля над побережьем предполагалось «занять небольшими укреплениями все важнейшие по протяжению берега якорные стоянки и учредить между ними непрерывное крейсерство из небольших гребных судов, способных к береговому плаванию» [21]. Экипажи этих судов были составлены из казаков Азовского казачьего войска, имеющих навыки морского судоходства. В 1837 г. отрядом генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова были возведены укрепления Ново-Троицкое на р. Пшаде и Михайловское на р. Вулан [22], чем было положено начало образованию Черноморской береговой линии.

Однако кавказская администрация не исключала и политического решения конфликта с черкесами: «Склонение горцев к добровольному изъявлению покорности, убеждая их к тому собственной пользой и невозможностью противустоять Российскому оружию. По предмету сему даны самые подробные наставления местным начальствам. Усилия их хотя имели некоторые успехи в частности, но остались совершенно тщетными в отношении к воинственным Черкесским племенам» [23].

В качестве политической меры воздействия на черкесов и убыхов русское правительство особые надежды одно время возлагало на миссию флигель-адъютанта императора полковника Султана Хан-Гирея, одного из первых черкесских историков и просветителей. Ему поручалось установить контакт с шапсугами, натухайцами и абадзехами и вести с ними переговоры от своего имени (но не от имени русского правительства). Ему также было поручено составление положения об управлении народами. В проекте, составленном Хан-Гиреем, большие надежды на действия местных властей, заключающиеся «в прекращении внутренних раздоров Черкес, в особенности Владельцев», «в постепенном развитии образованности народа», «в сближении его с Русским населением края», «в поощрении хлебопашества, промышленности и торговли» [24]. Исследовательница творчества Хан-Гирея Р.Х. Хашхожева высоко оценила его проект по «гражданскому устройству» горских племен. Она указала на неодобрительное отношение полковника к репрессивным методам завоевания Кавказа и кавказской политике царизма в целом. В том, что проект Хан-Гирея остался без внимания, исследовательница обвиняет кавказскую администрацию, и в частности командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова [25].

В действительности миссия Хан-Гирея, выступавшего посланцем Николая I и от имени императора призывающего черкесов покориться, была утопией чистой воды. Генерал А.А. Вельяминов только указал на абсурдность замысла Хан-Гирея: проповедовать покорность уже покорившимся равнинным племенам было бессмысленно, а непокорные никакой проповеди слушать бы не стали [26]. Генерал, хорошо знавший реалии Северо-Западного Кавказа, предложил неизвестному ему доселе полковнику выступить не от имени императора, а в качестве частного лица, путешественника-доброхота. Вельяминов хорошо понимал, что может ждать русского офицера, даже если он родом черкес, который бы вздумал явиться к непокорным горцам с предложением покориться русскому правительству [26]. Поэтому умудренный кавказским опытом Вельяминов назвал проект Хан-Гирея «пустоболтаньем» [27]. Провал миссии Хан-Гирея не означал отказа от поисков политического решения черкесского вопроса кавказским командованием.

В то же время во второй половине 1830-х гг. начинается проникновение в Черкесию со стороны Кубани. Командир Отдельного Кавказского корпуса, «по представлению командующего Линией ген.-м. Засса, предположил перенести Кубанскую линию на Лабу» [28]. Генерал Г.Х. Засс предпринял ряд походов в междуречье Кубани и Лабы, где громил непокорные аулы. Однако окончательное решение по возведению Лабинской линии было принято в 1839 г. [29].

Таким образом, военно-политическая обстановка на Кавказе во второй половине 1830-х гг. требовала разрешения многих важных вопросов, связанных с утверждением в регионе российской администрации. Необходимо было провести административную реформу в Закавказье,

направленную на вхождение местного христианского и мусульманского населения в правовое поле империи. На Северо-Восточном Кавказе основной проблемой выступало движение мюридизма, вылившееся в создание военно-теократического государства Шамиля. Для ее решения командованием Отдельного Кавказского корпуса предпринимался ряд мер силового и политического характера, однако Г.В. Розен так и не смог ни понять главного смысла движения горцев, ни предложить действенного решения в урегулировании конфликта. Подобная же ситуация была характерна для Северо-Западного Кавказа. Несмотря на отдельные малоэффективные попытки создания переговорного пространства, в целом возобладала линия на наступление против черкесов со стороны Черного моря и Кубанской кордонной линии. Для утверждения российской военно-административной системы в Закавказье и на Северном Кавказе требовались иные люди и иные методы, поэтому взгляд правительства остановился на фигуре генерал-лейтенанта Е.А. Головина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК). Т. VIII. – Тифлис, 1881. – № 258. – С. 351.
2. Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб., 2008. – С. 157.
3. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 93.
4. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2000. – С. 410-411.
5. Филипсон Г.И. Указ. соч. – С. 92.
6. Чернуха В.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...». Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С. 217.
7. Выскочков Л.В. Николай I. – М., 2003. – С. 287.
8. История Азербайджана с древнейших времен до 70-х гг. XIX в. Изд. 2-е. / Ред. Сулейман Алиярлы. – Баку, 2009. – С. 620.
9. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С. 356.
10. Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Пер. с англ. В. Симакова. – М., 1998. – С. 123.
11. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 360-361.
12. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. – М., 2014. – № 90. – С. 496.
13. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. – С. 93-94.
14. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. – Махачкала, 1959. – № 106. – С. 167.
15. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 365.
16. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М., 2004. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. – С. 509.
17. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 355.
18. АКАК. Т. VIII. – № 613. – С. 715–716.
19. Кавказский вектор российской политики. Т. II. Кн. 2. – № 89. – С. 495.
20. Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 446.
21. АКАК. Т. VIII. № 263. С. 356.
22. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). – Пятигорск, 2002. – С. 469-470.
23. АКАК. Т. VIII. – № 263. – С. 356.
24. Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. – Майкоп, 2009. – С. 567.
25. Хашхожева Р.Х. Поиски и находки. Избранные статьи. – Нальчик, 2000. – С. 364.
26. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С. 173.
27. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...» (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). – Краснодар, 2005. – С. 165.
28. АКАК. Т. VIII. – № 263. – С. 361.
29. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. – С. 445.

REFERENCES

1. Aktyi, sobrannyye Kavkazskoyu arheograficheskoyu komissieyu] (AKAK). [Acts collected Caucasian Archeological Commission (ACAC)]. Т. VIII. Tiflis, 1881. No. 258. p. 351.
2. Lapin V.V. Armiya Rossii v Kavkazskoy voyne XVIII–XIX vv. [Russian Army in the Caucasian war XVIII-XIX centuries.]. SPb., 2008. p. 157.
3. Philipson G.I. Vospominaniya. 1837–1847. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoy voyni XIX veka. [Memories. 1837-1847 Siege. Caucasus. Memoirs of participants of the Caucasian War of the XIX century]. SPb., 2000. p. 93.
4. Dondukov-Korsakov A.M. Dondukov-Korsakov A.M. Moi vospominaniya. 1845–1846. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoy voyni XIX veka. [My memories. 1845-1846 Siege. Caucasus. Memoirs of participants of the Caucasian War of the XIX century]. SPb., 2000. p. 410–411.
5. Philipson G.I. Decree. Op. S. 92.. p. 92
6. Chernuha V.G. Chernuha V.G. «Grazhdanskoe upravlenie kraem, samoe trudnoe...». Kavkaz i Rossiyskaya imperiya: proektyi, idei, illyuzii i realnost. Nachalo XIX – nachalo XX vv. [“Civil edge control, the most difficult”. The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusion and reality. Beginning XIX - early XX centuries]. SPb., 2005. p. 217.
7. Vyiskochkov L.V. Nikolai I. [Nikolay I]. M., 2003. p. 287.

8. Istoriya Azerbaydzhana s drevneyshih vremYon do 70-h gg. XIX v. Izd. 2-e. Red. Suleyman Aliyarly. [The history of Azerbaijan from ancient times to the 70th. XIX century. Ed. 2nd. Rev. Suleiman Aliyarli]. Baku, 2009. S. 620.
9. Bliev M.M., Degoev V.V.. Bliev M.M., Degoev V.V. Kavkazskaya voyna. [Caucasian war]. M., 1994. p. 356.
10. Gammer M. Musulmanskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana. Per. s angl. V. Simakova. [Muslim resistance to the tsarist government. The conquest of Chechnya and Dagestan. Trans. from English. V. Simakov]. M., 1998. p. 123.
11. Bliev M.M., Degoev V.V. Ukaz. Soch. pp. 360–361.
12. Kavkazskiy vektor rossiyskoy politiki. Sbornik dokumentov. [Caucasian vector of Russian policy. Collection of documents]. T. II. Kn. 2. 1796–1864 gg. Sost. M.A. Volhonskiy, V.M. Muhanov. M., 2014. No. 90. p. 496.
13. Smirnov NA. Smirnov N.A. Myuridizm na Kavkaze. [Muridism the Caucasus]. M., 1963. pp. 93–94.
14. Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX veka. Sbornik dokumentov. Sost. V.G. Gadzhiev, H.H. Ramazanov. [The movement of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus in 20-50 years. XIX century. Collection of documents. Sost. VG Hajiyev, HH Ramazanov]. Mahachkala, 1959. No. 106. p. 167.
15. Bliev M.M., Degoev V.V. Ukaz. Soch. h. 365.
16. Istoriya Dagestana s drevneyshih vremen do nashih dney. [History of Dagestan from ancient times to the present day]. M., 2004. T. 1. Istoriya Dagestana s drevneyshih vremen do HH veka. p.509.
17. Bliev M.M., Degoev V.V. Ukaz. Soch. p. 355.
18. ACAC. T. VIII. Number 613. Pp. 715-716.
19. Kavkazskiy vektor rossiyskoy politiki. [Caucasian vector of Russian policy]. T. II. Kn. 2. No. 89. p. 495.
20. Bliev M.M., Degoev V.V. Ukaz. Soch. p. 446.
21. ACAC. T. VIII. Number 263. p. 356.
22. Klyichnikov Yu.Yu. Rossiyskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.). [Russian policy in the North Caucasus (1827-1840 gg.)]. Pyatigorsk, 2002. S. 469–470.
23. ACAC. T. VIII. Number 263. p. 356.
24. Sultan Khan Giray: Selected papers and documents. Maikop, 2009. P. 567.
25. Hashhozheva R.H. Poiski i nahodki. Izbrannyye stati. [The search and discovery. Selected articles]. Nalchik, 2000. P. 364.
26. 26 Gordin YA Kavkaz: zemlya i krov. Rossiya v Kavkazskoy voyne XIX veka. [Caucasus: the land and blood. Russia in the Caucasian War of the XIX century]. SPb., 2000. p. 173.
27. Matveev O.V., Frolov B.E. «V vechnoe sohranenie i napominanie slavyimYon...» (k 100-letiyu pozhalovaniya Vechnyih shefov pervoocherednyim polkam Kubanskogo kazachego voyska). ["In the eternal preservation and a reminder of the glorious names ..." (to the 100th anniversary of the award of the Eternals chefs priority regiments Kuban Cossack Army)]. Krasnodar, 2005. p. 165.
28. ACAC. T. VIII. Number 263. p. 361.
29. Klyichnikov Yu.Yu. Ukaz. Soch. p. 445.

Информация об авторе

Кондусов Владимир Сергеевич, факультет истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета.
г. Краснодар, Россия
vladimir.kondusov@mail.ru

Получена: 22.08.2016

Для цитирования статьи: Кондусов В. С., Военно-политическая ситуация на Кавказе во второй половине 1830-х гг.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 4. Часть 2. с. 34-39
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-34-39

Information about the author

Vladimir S. Kondusov, Faculty of History, Sociology and International Relations of the Kuban State University.
Krasnodar, Russia
vladimir.kondusov@mail.ru

Received: 22.08.2016

For article citation: Kondusov V.S., Voenno-politicheskaya situacija na Kavkaze vo vtoroj polovine 1830-h gg.. [Military and political situation in the Caucasus in the second half of 1830 years]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 4. Part. 2. Pp. 34-39.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/2-34-39

(in Russian)